

Шевкун П. В.

Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка, Минск

Shevkun P.

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Minsk

УДК 355.257.72(476)+94(476)«17/19»

ФОРМЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ В БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ ЕПАРХИЯХ (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XX ВЕКА)

SELF-GOVERNMENT FORMS IN BELARUSIAN-LITHUANIAN ORTHODOX DIOCESES (LATE XVIII – EARLY XX CENTURY)

В работе рассмотрены формы самоуправления на уровне клира и прихожан в белорусско-литовских православных епархиях в конце XVIII – начале XX в. Раскрыта их эволюция от традиционных до современных в контексте общих изменений социальной системы Российской империи. Отмечена роль епархий региона в процессе выработки и становления форм епархиального самоуправления. Дана характеристика и показано их содержание. Сделан общий вывод об объективных трудностях на пути самоорганизации православной церкви империи в рассматриваемое время.

Ключевые слова: православная церковь; епархия; приход; СМИ; епархиальный съезд; совет; братства.

Self-government forms at the level of clergy and parishioners in Belarusian-Lithuanian Orthodox dioceses in the late XVIII – early XX century are studied in the article. Their evolution from traditional to modern ones in terms of total changes of the social system of the Russian empire is disclosed. The role of regional dioceses in the process of formulation and formation of diocesan self-government forms is pointed out. The characteristic is given and their contents is displayed. General conclusion is made about objective difficulties on the way of self-organization of the Orthodox church in the Empire in the time reviewed.

Keywords: Orthodox church; diocese; parish; press; diocesan congress; council; fellowship.

Православная каноническая традиция выстраивает четкую линию духовной иерархии, принципы отношений священноначалия и прихожан. Решающее слово в приходе имеет священник, а в епархии – епископ. Вместе с тем это не отменяет определенных вариаций более широкого участия в принятии решений. Именно этот процесс организации и самоорганизации церковно-приходских элит и находится в центре нашего исследования.

В 1793–1839 гг. на территории белорусско-литовских губерний Российской империи находилось две православные епархии: Могилевская и Минская. В общих чертах система управления представляла собой структуру, во главе которой находился архиерей. Он контролировал все направления епархиальной жизни: богослужебную, административную, судебную, образовательную, экономическую, гуманитарную сферы, осуществлял и курировал взаимодействие с государственными органами, следил за состоянием веры и нравственности в епархии. При епископе существовал орган церковного управления и суда – консистория. Для ведения дел формировалась канцелярия во главе с секретарем. Далее следовали: правления, заказы, благочиния и десятиначалия. Духовные правления и заказы являлись коллегиальными органами, подведомственными

консистории, и осуществляли административные, судебные и хозяйственные функции у себя в округах. Благочинные округа были территорией, на которой один из священников (благочинный) осуществлял контроль над приходскими священно- и церковнослужителями (причтом) [1]. Десятоначалия находились в ведении духовного правления или заказа. Низшим звеном являлся приход. По штатам 1778 г. он должен был насчитывать не менее 150 дворов ($\approx$ 600 человек) на одну церковь. Церковный причт состоял из одного или двух священников, иногда дьякона и причетников. Представителем прихода для контроля за хозяйственно-экономической сферой церковной жизни был староста (избирались с 1808 г.).

Традиционные формы самоуправления заключались во влиянии прихода на выборы причта, в ограниченном контроле над церковными расходами, редким, лишь в чрезвычайных случаях, вмешательством епархиальных властей в жизнь церковных общин. Наиболее ярким проявлением православного общинного самоуправления на территории Киевской митрополии были братства¹. Однако братской традиции в приходской жизни

¹ Братства – организации православных мирян в Речи Посполитой (с конца XVI в.), направленные на защиту интересов церкви, а также с целью контроля за всеми (кроме богослужебной) сторонами жизни православной общины.

российской церкви не было. Поэтому возможности для их развития после включения белорусских земель в состав Российской империи отсутствовали. Вместе с тем из-за низкой степени интеграции православных епархий региона в православную церковь империи большого количества униатских приходов (где братства продолжали свое существование), которые лишь в 1839–1840 гг. на особых условиях объединились с православными епархиями, братства сохранились в ряде приходов. Так, наличие незначительных подобных объединений прослеживается в начале XIX в. при Дисненском Воскресенском и Пинском Богоявленском монастырях [2, с. 479, 507]. Позднее, перед реализацией инициативы по возрождению братств, власти заинтересовались их наличием. Из отчета по Минской епархии следовало, что на ноябрь 1863 г. существовало 105 «древних православных братств» [3]. Очевидно, схожая ситуация была и в других епархиях региона.

Вместе с тем период конца XVIII – первой половины XIX в. ознаменовался тенденцией к разрушению традиционных социальных отношений в регионе. В нашем случае это попытки проникновения церковного контроля и повышение эффективности администрирования на всех уровнях иерархии, особенно на низовом, приходском. Проявлялось это в интенсификации инспекций, повышении образовательного уровня причта¹, лучшей координации в действиях духовных и светских властей, но самое главное – в упразднении некоторых устоявшихся практик общинного участия в жизни прихода.

Прихожане и помещики устранились от непосредственного влияния на выборы причтов [4]. 13 ноября 1801 г. православные церкви западных губерний перевели «на право состоящих в казенных имениях», изъяв из-под контроля «фундаторов» [5]. В 1815 г. Минская консистория распорядилась, чтобы помещики не вмешивались в выборы церковных старост [6].

Усиливался и епархиальный контроль. Епископ Могилевский Афанасий (Вольховский) требовал, чтобы духовные правления «за подведомственными священниками накрепко наблюдали, как себя вести будут ...» [7, с. 20]. Архиепископ Минский Иов (Потёмкин) по прибытии в г. Минск «усмотрел самоуправные поступки» консистории, правлений и благочиний. Им было дано указание: «Впредь без нашего дозволения ничего не делать» [2, с. 23]. По указу императо-

ра от 8 декабря 1804 г. Св. Синод распорядился, «чтобы во время отправления в церквях службы Божией священно и церковнослужители не только исполняли должность свою с благоговением, но и обходились между собою со всякою приличною святости места благопристойностию и уважением» [8]. В конце правления Александра I вновь был принят ряд указов, призванных мобилизовать православную иерархию в должном выполнении своих обязанностей [9].

Уже в правление Николая I Св. Синод 2 марта 1827 г. распорядился сообщать обо всех происшествиях в церквях с участием духовенства [10]. 17 марта 1828 г. Государственный совет предписал архиереям «иметь деятельный надзор за поведением священнослужителей» [11]. 30 января 1828 г. священникам предписали не скрывать от полиции сведения о происшествиях в церквях [12]. 8 января 1829 г. император распорядился, чтобы о происшествиях в церквях ему докладывали лично [13]. 11 марта он потребовал предоставить полный список всех священников, находящихся под судом или следствием [14, с. 341].

Своеобразным итогом административно-унификаторской деятельности императора был устав духовных консисторий 1841 г. В нем определялись цели и задачи консисторий, их полномочия, порядок управления, регламентировалась деятельность духовных судов [15]. Последние нововведения Николая I в системе епархиального управления были проведены в 1848 г., когда ликвидировали духовные правления и указы [16].

Конечно, как нельзя недооценивать эти процессы, также было бы неправильно и переоценить их. Во многом все требования сводились лишь к увеличению отчетности, дополнительной переписке. Дело в рассматриваемое время из-за дороговизны бумаги также не дешёвое. Да и возможности коммуникации были ограничены традиционными средствами передвижения. Если же учесть большую протяженность до 1839 г. епархий региона, а на приходском уровне сохранившуюся и впоследствии, то можно заключить, что патриархальные формы церковно-общинной организации были в регионе особенно живучи.

Тем не менее, процесс был обозначен. Постепенно упразднялись прежние формы участия в управлении, которые заключались в сохранении овеванных традицией сфер автономного существования. Вместе с тем взамен ничего не предлагалось. Хотя не только общие тенденции развития, связанные с размыванием традиционной общинной конфессиональной идентичности, но и сложная конфессиональная обстановка в регионе требовали выработки новой, более гибкой индивидуально ориентированной идентичности и основанных на ней форм участия. От

¹ Получение стандартизированного образования гарантировало властям адекватное и единообразное восприятие требований, приемлемый уровень их выполнения, повышение возможностей духовенства в реакции на социальные изменения, способствовало выработке нового уровня легитимности системы управления, который базировался не столько на традиции, сколько на понимании ее организации.

этого, во многом, зависела устойчивость православных общин.

Ситуация несколько изменилась в правление Александра II. В 1860–1870-е гг. были проведены крестьянская, земская, судебная реформы, реформа городского самоуправления и образования. Православную церковь они также не обошли стороной. Так, представители духовенства в обязательном порядке входили в состав уездных училищных советов [35, с. 82]. Устав гимназий и Устав военных училищ 1866 г. открывали сыновьям духовенства двери светских учебных заведений и освобождали их от обязательного обучения в духовных. В 1869 г. отменили наследование священнических мест в отношении детей священнослужителей. Произошло снятие ограничений на вход и выход из духовного сословия.

На этом фоне в 1862 г. было создано Присутствие по делам православного духовенства. Также были открыты его отделения в губерниях в составе архиерея, губернатора и управляющего палатами государственных имуществ. Цель – «...ближайшее попечение об улучшении быта духовенства по всей империи» [17]. Данный орган занимался вопросами реформ в церкви.

На епархиальном уровне наиболее значимые инициативы вначале применялись в епархиях Северо-Западного края. Это организация епархиальных съездов и благочиннических советов. Епархиальные съезды духовенства появились в 1860-х гг. в Минской епархии. Вскоре они распространились и на другие в связи с реформой духовно-учебных заведений. Согласно положению во главе семинарий и училищ находились правления, состоявшие из представителей преподавательского состава и епархиального духовенства. Соответственно в ведении съездов было: избрание членов от духовенства в училищные и семинарские правления, общие вопросы организации учебного процесса, проблемы их материального обеспечения, устройство свечных заводов и их деятельность, издательская деятельность, организация эмеритальных, «взаимо-вспомогательных» и сберегательных касс, складов для предметов церковного обихода, снабжения церквей, некоторые чрезвычайные вопросы [20]. Так, Епархиальный съезд в январе 1874 г. обращался с просьбой к епископу о ходатайстве перед властями по скорейшему возведению или починке причтовых строений [21]. Постепенно съезды усиливали свое влияние. Это встречало противодействие со стороны епископов. В 1879 г. Минский архиерей изъял из ведения консистории, подчинив непосредственно себе, издание епархиальных ведомостей [23]. В правление Александра III с целью ограничения влияния съездов

неформального расширения их полномочий в 1884 г. последовало официальное распоряжение: «существующие съезды духовенства ... вполне предоставить усмотрению и распоряжениям епархиальных преосвященных...» [22].

В начале XX в. компетенция съездов несколько расширилась. Так, съезд духовенства Минской епархии 1905 г. обсуждал кроме традиционных вопросов также и проблемы братского движения. Созывая съезд, первый с 1901 г. епископ определял его чрезвычайный характер, поскольку «настоит нужда, как в выяснении в каких местах епархии и с какою силою ведется пропаганда в пользу католичества, так и в изыскании мер, общих по епархии, которыми можно было бы, если не остановить такую пропаганду, то по крайней мере отвлечь внимание от нея православных...». Депутаты съезда 27 августа просили отменить обязанность предоставлять приходскими священниками местному становому приставу карточек о смертности от заразных болезней, вмешиваясь, таким образом, во взаимоотношения со светскими властями [24].

С 1909 г. епархиальным съездам было предоставлено назначение причтам нового жалованья из казны в пределах назначаемой Св. Синодом суммы. Также с этого года к участию в съездах духовенства были привлечены церковные старосты [25]. Делегаты съезда избирались от благочиннических округов. Программа вопросов формировалась заранее и утверждалась епископом. Работа съезда длилась около недели и включала в себя свыше десяти заседаний [26].

Также существовала такая форма самоуправления, как благочиннические съезды. Они имели совещательный характер и всецело зависели от архиерея, собираясь не регулярно. Так, Минский епископ, иницируя съезд духовенства епархии, в 1905 г. планировал вначале созвать благочинных для рассмотрения ситуации на местах с отпадениями от православия [27]. Впрочем, в отдельных епархиях такие съезды рассматривали работу благочиннических советов и в случае жалоб на них могли делать представление епархиальному архиерею [22].

Кроме общепархиального уровня существовали элементы самоуправления и на уездном. Благочиннические советы получили распространение в Литовской епархии, где в 1870 г. и была составлена для них инструкция. Советы избирались на «соборике» духовенства благочиния большинством голосов, на основании указа консистории, которая и утверждала результаты выборов. Их состав включал благочинного и нескольких выборных членов [28]. Основным направлением их деятельности был суд по незначительным конфликтным ситуациям между

членами клира, а также между клириками и мирянами [29].

На уровне взаимодействия с прихожанами были созданы братства. 8 мая 1864 г. приняли «Основные правила для учреждения православных церковных братств». Братства организовывались по благословению епископа, после согласования устава с губернатором и генерал-губернатором. В сферу их компетенции входило поддержание «благолепия» храмов, распространение книг, устройство школ, помощь нуждающимся. Процедура открытия братств не была детализирована, и администрации пришлось прилагать дополнительные усилия, чтобы поставить под контроль этот процесс, поскольку в регионе братства стремились к расширению своих полномочий [3, л. 171, 60, 61, 176–179].

Возглавляли братства советы, состоящие из председателя, его товарища, членов совета, казначея и секретаря. Совет избирался на три года на общем собрании. Членами братств могли быть выходцы из всех слоев общества. Из братств белорусско-литовских епархий самыми значительными являлись: Виленское Свято-Духовское братство и Минское Николаевское, имевшие отделения в своих епархиях [30].

События начала XX в. привели к активизации братской деятельности. В 1906 г. Св. Синодом изданы «Правила, определяющие отношения церковной власти к обществам и союзам, возникающим в недрах Православной Церкви и вне ее, и к общественно-политической и литературной деятельности церковных должностных лиц». Они усилили власть архиерея. Он являлся попечителем и главным духовным руководителем всех союзов и обществ, действующих в пределах его епархии.

В 1907 г. стал выходить «Вестник Виленского Свято-Духовского братства». Паломнический комитет братства организовывал крестные ходы по святыням епархии. С 1908 г. начали проводиться съезды братств. Первый съезд был созван Минским православным народным братством во имя Св. Креста и проходил с 29 по 31 августа 1908 г. в Минском Свято-Духовском монастыре. Основной задачей съездов стало совершенствование организации братского движения – прежде всего устройство епархиальных центральных братств как руководящих и объединяющих приходские [31].

Не менее значимую роль, чем братства, в приходской жизни играли церковные советы или попечительства. Их организация началась осенью 1864 г. в Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, Витебской и Могилевской губерниях с целью наблюдения «за вновь совершаемыми в настоящее время постройками православных

церквей в некоторых приходах северо-западного края и работам по обновлению ныне существующих...». В их состав входили приходской священник на правах председателя, 4–8 старшин, волостной старшина, церковный староста, сельский учитель. Выборы проходили каждые три года [32].

В ведении церковного совета были вопросы строительства и сохранности церквей, часовни и усыпальницы с кладбищами, церковные суммы, имущество церкви. Также советы должны были прилагать «...старания и о возможно большем распространении между прихожанами грамотности и о доставлении всех материальных средств для поддержания школы в должном порядке...». В силу схожести функций церковные советы могли войти в состав братства, сохраняя за собой все свои обязанности [32, л. 44, 6, 7].

2 августа 1864 г. было утверждено положение о попечительствах при церквях. Их цель заключалась в «попечении о благоустройстве и благосостоянии приходской церкви и причта в хозяйственном отношении, а также об устройстве первоначального обучения детей и для благотворительных действий в пределах прихода». В отличие от советов, которые утверждал губернатор, попечительства утверждал епископ [33, л. 1, 2]. В 1867 г. церковные советы были переименованы в попечительства [34].

Попытка реорганизации приходской жизни нашла продолжение в указе Св. Синода от 18 ноября 1906 г., в котором говорилось о расширении полномочий попечительств путем создания церковно-приходских советов. Однако они возникали лишь там, где не функционировали попечительства [36].

Вместе с тем, если институциональное участие не подкреплено информационно, то само существование таких платформ становится проблематичным. Поэтому выражение возможности участия в принятии решений проявилось процессом развития средств массовой информации (СМИ). Во второй половине XIX в. появляется значительное количество прессы, ориентированной на верующих [18, с. 11].

На страницах как специализированных, так и других изданий обсуждались религиозные проблемы. Вопросы преобразований в православной церкви находили живой отклик в образованных кругах российского общества. На региональном уровне выходят епархиальные ведомости. Несмотря на то, что на протяжении всего периода в ведомостях была цензура, свидетельствующая о непризнании церковным руководством права за прихожанами и рядовым духовенством полноправного информационного участия в церковной жизни, тем не менее, огра-

ниченное участие допускалось и даже приветствовалось. Так, при открытии Литовских епархиальных ведомостей в Минскую епархию для духовенства было прислано приглашение о сотрудничестве [19].

В начале XX в. существенно возросла роль СМИ в связи с учреждением Государственной думы и предоставлением населению основных гражданских свобод. Для церкви важно было сохранить свое значение в социальной системе империи, поэтому на духовенство, имевшее доступ ко всем православным подданным, возлагались особые надежды. Это повышало значимость приходского духовенства, его слова, как живого, так и печатного.

Таким образом, в период конца XVIII – начала XX в. православная церковь Российской империи, ее белорусско-литовские епархии включились в процесс социальной модернизации. До середины XIX в. это проявлялось в усилении административного вмешательства в жизнь приходов и разрушении традиционных форм участия в управлении. Затрагивались богослужебная практика, состояние храмов, ведение церковной отчетности, выполнение прихожанами своих обрядовых обязанностей, взаимоотношения с клиром. Происходило ограничение влияния помещиков на религиозную жизнь общины, максимальное уменьшение роли прихода при назначении священнослужителя.

Вместе с тем к середине XIX в. все отчетливее ощущалась потребность в выработке модер-

ных форм самоуправления. В регионе это было вызвано, наряду с реформами Александра II, и конфессиональной обстановкой, в самой церкви – ростом основанного на индивидуальном выборе (насколько это было возможно в рассматриваемое время), православного самосознания, что проявлялось в повышении уровня образования, в информационном участии через СМИ в жизни церкви. К формам самоуправления в определенной степени можно отнести епархиальную печать, а также съезды духовенства, благочиннические советы, делегаты на которые выбирались духовенством. На уровне приходов появились и активно развивались братства и приходские советы (попечительства). Несколько активизировался этот процесс в начале XX в. в связи с предоставлением подданным империи основных политических и религиозных свобод.

Тем не менее, данные инициативы носили половинчатый характер ввиду тесной связи церковного и государственного аппаратов. В результате чего чиновничество, прежде всего на уровне губернаторов, получило возможность вмешиваться в процесс самоорганизации церкви. Это вело к противоречивому положению, когда, с одной стороны, инициативы поощрялись, с другой – они должны были соответствовать представлениям чиновничества и не ущемлять их прерогатив. Однако значимая роль в функционировании социально-государственного механизма империи не позволяла ей дистанцироваться от государства в рассматриваемое время.

Список использованных источников

1. Национальный исторический архив Беларуси в г. Минск (далее – НИАБ в Минске). – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 1521. – Л. 18–24.
2. Рункевич, С. Г. История Минской архиепископии (1793–1832) / С. Г. Рункевич. – СПб.: Тип. А. Катанского, 1893. – 623 с.
3. НИАБ в Минске. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 30544. – Л. 4, 8–10.
4. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ): собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830. – Т. XXIV. – С. 636.
5. НИАБ в Минске. – Ф. 1416. – Оп. 1. – Д. 228. – Л. 106.
6. НИАБ в Минске. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 3737. – Л. 1, 1 об., 3 об., 5.
7. Горючко, П. С. Афанасий Вольховский, епископ Могилёвский и Полоцкий (с 5 марта 1795 года по 27 августа 1797 года) / П. С. Горючко. – Могилёв: Тип. Ш. А. Фридланда, 1902. – 31 с.
8. НИАБ в Минске. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 4825. – Л. 25.
9. ПСЗРИ: собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830. – Т. XXXVI. – С. 324–325; ПСЗРИ: собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830. – Т. XXXVII. – С. 406–408; ПСЗРИ: собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830. – Т. XXXVIII. – С. 1337–1341; ПСЗРИ: собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830. – Т. XXXIX. – С. 478; ПСЗРИ: собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830–1849. – Т. XL, 1830. – С. 200–201.
10. Руководственные для православного духовенства Указы Святейшего Правительствующего Синода. 1721–1878 гг. – М.: Тип. М. Н. Лаврова и К., 1879. – С. 284–285.
11. НИАБ в Минске. – Ф. 2301. – Оп. 1 – Д. 6. – Л. 16 об., 19, 19 об.
12. ПСЗРИ: собр. 2-е с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.: в 55 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830–1884. – Т. III, 1830. – С. 72.

13. ПСЗРИ: собр. 2-е с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.: в 55 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830–1884. – Т. IV, 1830. – С. 16.
14. Кондаков, Ю. Е. Государство и православная церковь в России: эволюция отношений в первой половине XIX в. / Ю. Е. Кондаков. – СПб.: Рос. нац. б-ка, 2003. – 360 с.
15. ПСЗРИ: собр. 2-е с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.: в 55 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830–1884. – Т. XVI, ч. I, 1842. – С. 221–263.
16. НИАБ в Минске. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 19402. – Л. 9.
17. НИАБ в Минске. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 30455. – Л. 2, 3.
18. Шимолін, В. І. У истоках белорусской печати: епархиальные ведомости второй половины XIX – начала XX в. / В. И. Шимолін. – Минск: БГУ, 2010. – 199 с.
19. НИАБ в Минске. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 29944. – Л. 1.
20. НИАБ в Минске. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 36396. – Л. 17–22.
21. НИАБ в Минске. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 33603. – Л. 2–5.
22. Савва (Титунів). Епархиальные реформы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kartaslov.ru/>. – Дата доступа: 16.09.2018.
23. НИАБ в Минске. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 35457. Л. 17–22.
24. НИАБ в Минске. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 37178. Л. 45–49.
25. Съезды духовенства епархиальные и благочиннические [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://theological_encyclopedia.academic.ru/. – Дата доступа: 16.09.2018.
26. НИАБ в Минске. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 37254. – Л. 1, 44.
27. НИАБ в Минске. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 37178. – Л. 58.
28. НИАБ в Минске. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 34482. – Л. 3–4.
29. НИАБ в Минске. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 37156. – Л. 19, 19 об.
30. НИАБ в Минске. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 36351. – Л. 4, 62–86.
31. Церковные братства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https:// http://scibook.net/russkoy-tserkvi-istoriya/](https://http://scibook.net/russkoy-tserkvi-istoriya/). – Дата доступа: 17.09.2018.
32. НИАБ в Минске. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 30804. – Л. 3, 3 об.
33. НИАБ в Минске. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 35477. – Л. 50.
34. НИАБ в Минске. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 31165. – Л. 81.
35. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII–XX ст.) / пад рэд. У. І. Навіцкага [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 1998. – 340 с.
36. Мендюков, А. В. Церковная реформа Александра II [Электронный ресурс] / А. В. Мендюков. – Режим доступа: <http://www.academia.edu/доступ/>. – Дата доступа: 21.09.2018.

Дата поступления: 08.11.2018.